

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ МОНГОЛИИ: ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

В.А.Родионов *

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта РГНФ - МинОКН Монголии «"Возвращение" России в Монголию: модели и сценарии», №12-23-03002

Прошедшие 26 июня 2013 года выборы президента Монголии дали пищу для размышлений на самые различные темы. Для монгольской общественности одним из важных итогов выборов стало продолжение сложившейся два десятилетия назад традиции демократической смены власти. Несмотря на относительно небольшой разрыв между победившим действующим президентом Цахиагийн Элбэгдоржем и его основным конкурентом от МНП Бадманямбуугийном Бат-Эрдэнэ, легитимность результатов выборов не была поставлена под сомнение ни одним из трех кандидатов в президенты (третьим кандидатом была кандидат от МНРП Нацагийн Удвал). По оценке иностранных наблюдателей прошедшие выборы отвечали всем необходимым требованиям, предъявляемым международным сообществом¹.

Успешный опыт демократических преобразований в Монголии называется одним из наиболее значимых политических итогов двух последних десятилетий. Например, известная неправительственная организация (НПО) Freedom House на протяжении последних десяти лет неизменно наделяет Монголию статусом «свободная страна» (free)². Другая НПО Economist Intelligence Unit, ежегодно определяющая Индекс демократий (Democracy Index), в 2012 году обозначила Монголию как «несовершенную демократию» (flawed democracy), поставив на 65 место в списке из 167 стран мира³. Ряд западных авторов с изумлением и, одновременно, восхищением констатируют удачный демократический транзит Монголии и наличие в стране развитой демократической систем⁴. По результатам исследований российских политологов, среди 29

* В.А.Родионов – БИС-ийн түүх, археолог, угсаатны зүйн тэнхимийн доцент, доктор (Ph.D)

посткоммунистических стран Европы и Азии Монголия занимает одно первых мест - как страна с наиболее значительными результатами в продвижении к консолидированной демократии⁵. Действительно, стандартный набор основных признаков демократического режима открытые и состязательные выборы, сменяемость власти, свобода слова и печати, развитое гражданское общество - свидетельствует об успешном опыте демократизации страны за последние два десятилетия постсоциалистической истории. Данные обстоятельства порождают закономерный вопрос о факторах, определивших успех Монголии.

Дискуссии об онтологическом статусе монгольской демократии появились практически сразу после ее провозглашения в начале 1990-х гг. и носят довольно острый характер. Не отрицая важнейшей роли эндогенных факторов демократизации Монголии (они варьируются в диапазоне от историко-культурного наследия, или «кода монгольской цивилизации», до практических действий монгольской политической элиты, повлиявших на демократизацию страны), в данной статье мы сосредоточимся на исследовании факторов экзогенного, внешнего по отношению к Монголии, характера.

Для начала необходимо обратиться к исторической ситуации, в условиях которой Монголия официально провозгласила курс на демократизацию всех сторон общественной жизни. Стремительные изменения в СССР и социалистических странах Восточной Европы стали важнейшим катализатором политических процессов в МНР второй половины 1980-х - начала 1990-х гг. Политика «перестройки» в МНР по многим параметрам напоминала одноименную политику М.С. Горбачева в Советском Союзе. В качестве основных ценностей изменяющегося общества провозглашались гласность, плюрализм мнений, децентрализация системы управления народным хозяйством, открытость для диалога с внешним миром⁶. Веянием политической моды эпохи позднего социализма можно считать и введение в сентябре 1990 года поста президента МНР по аналогии с аналогичными мероприятиями в СССР и странах Восточной Европы (Польше, Венгрии).

Дальнейшее падение политических режимов в социалистических странах произошло на фоне принятия новыми властями ценностей либеральной демократии. Монголия не явилась в этом плане исключением, став первой постсоциалистической страной в Азии, начавшей осуществлять одновременно политические и

экономические реформы либерально-демократического характера. Иными словами, в начале 1990-х гг. стремительное обновление политической системы Монголии шло в русле мировой «третьей волны демократизации». Ориентиром для политических элит демократизирующихся стран выступали теоретические конструкции ряда западных политологов (А. Пшеворского, Ф.К. Шмиттера, Х. Линца и других), рассматривавших принятие ценностей рыночной экономики как залог укрепления демократических институтов.

При анализе обстоятельств перехода к радикальным демократическим реформам в бывших социалистических странах специалисты среди прочих обстоятельств выделяют «наличие такого международного контекста (в том числе и институционального), который оказывается специфически благоприятным для стимулирования перехода от авторитаризма к более демократическим формам правления»⁷. Как констатирует американский классик исследований демократии Роберт Даль, «...идея демократии получила всеобщее признание... большинство режимов претендует на право обозначаться словом демократия»⁸.

Иными словами, первым фактором, обусловившим начало демократического транзита Монголии, стал *международно-политический контекст позднего социализма, основанный на делегитимизации коммунистической идеологии и признании либеральной демократии оптимальным вариантом для дальнейшего общественного развития.*

Однако опыт далеко не всех стран, в начале 1990-х гг. провозгласивших цель построение демократического общества, может быть признан удачным. Траектории демократических транзитов ряда стран постсоветского пространства привели к установлению авторитарных режимов различной модификации. Монголия же, несмотря на противоречивый характер результатов собственных либеральных реформ, сохранила приверженность демократическим ценностям и институтам. В связи с этим целесообразно говорить о наличии иных факторов, обусловивших подобное развитие событий.

Один из таких факторов представлен регионально-политической обстановкой, сложившейся вокруг Монголии в последние два десятилетия. На протяжении почти семидесяти лет гарантом национальной безопасности и независимости Монголии являлся Советский Союз. С распадом СССР и стремительным сокращением интенсивности российско-монгольских

взаимоотношений в начале 1990-х гг., для Монголии исчезли прежние гарантии безопасности. Одновременно с этим основным источником потенциальных вызовов и угроз для страны по-прежнему воспринимался Китай, который, как считали многие в Монголии, способен экономически (а потенциально, и политически) поглотить Монголию⁹. В сложившейся ситуации Улан-Батор, провозгласив стратегию многоопорной (олон тулгуурт) внешней политики¹⁰, начал активно развивать военные, политические, экономические, гуманитарные связи с такими внерегиональными странами как США, Япония, Республика Корея, Германия, Турция, Индия и другими. Такая стратегия получила образное наименование «третий сосед» («туравдугаар хшрш»)¹¹. Суть стратегии «третьего соседа» сводится к попытке уравновесить влияние на Монголию двух ее географических соседей – России и КНР за счет третьих стран и международных организаций. При этом большинство стран, попадающих под категорию «третий сосед», представляют Запад и его союзников, и традиционно маркированы как члены мирового демократического сообщества. Поэтому в политических взаимоотношениях Монголии с «третьим соседом» идеологический фактор с самого начала играл не последнюю роль.

В ходе официальных встреч и переговоров монгольских руководителей с американскими, европейскими, японскими, южнокорейскими партнерами неотъемлемым атрибутом выступает указание на общность демократических ценностей и поддержку развития демократии в Монголии. Например, во время официального визита в США в июне 2011 года президента Монголии Ц. Элбэгдоржа американским президентом Б. Обамой была подчеркнута «взаимная заинтересованность двух стран в защите прав человека, демократии и свободы», а сама Монголия была названа «моделью демократических реформ в регионе»¹². Об «образцовости монгольской демократии» неоднократно высказывались госсекретарь США Х. Клинтон¹³, вице-президент США Д. Байден¹⁴, президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун¹⁵, руководители Евросоюза¹⁶. При этом в западном элитном сообществе и медиа-пространстве постоянно подчеркивается уникальность демократической Монголии, «окруженной со всех сторон авторитарными режимами»¹⁷.

Важным каналом по продвижению демократических ценностей в Монголию является монголо-американское военное сотрудничество, в том числе через структуры НАТО. Посредством

обучения монгольских офицеров, совместных военных учений («В поисках хана» («Khan quest»), «Тихоокеанский ангел», «Гобийский волк»), финансово-технической помощи, совместных операций в Ираке и Афганистане американская сторона прививает в Монголии собственные идеологические нормы, формирует новые уровни внешнеполитической лояльности и идентичности. Во время визита в Монголию 26-27 мая 2011 года делегации НАТО во главе с заместителем генсека по безопасности и политическим отношениям Д.Аппатураем были затронуты вопросы углубления дальнейшего сотрудничества между Монголией и НАТО и «выведения их отношений на новый уровень». Очевидным интересом натовской стороны в этом визите был вопрос о продолжении военного присутствия монгольских солдат в Ираке и Афганистане. Однако помимо этого особо были подчеркнуты такие основания для сотрудничества между Монголией и НАТО как «демократия и общность ценностей»¹⁸.

Помимо двусторонних межгосударственных отношений со странами Запада и его союзниками не менее значимыми являются отношения Монголии с международными организациями, продвигающими ценности демократии. В 2003 году Монголия принимала V международную конференцию стран, установивших и восстановивших демократию. В июле 2011 г. Монголия впервые заняла место председателя в Сообществе демократических государств мира и в апреле 2013 года принимала у себя VII конференцию министров стран-членов этой организации. В конце 2012 года Монголия стала членом ОБСЕ. Участие в подобных организациях требует от Монголии следования определенным правилам и нормам. В частности, транспарентность процесса принятия решений, активное вовлечение в политический процесс женщин и представителей национальных меньшинств, гражданский контроль над армией и т.п., иными словами то, что понимается под термином «углубление демократии».

В целом, вопросы обеспечения безопасности Монголии через сотрудничество с Западом тесно увязываются с приверженностью демократическим ценностям. Наличие и развитие демократического режима рассматривается Улан-Батором и его западными партнерами как важный фактор национальной безопасности. По словам посла США в Монголии Д. Эдлтона, «демократия один из пяти столпов американско-монгольских отношений»¹⁹.

Третьим тесно связанным с интересами национальной

безопасности Монголии фактором являются экономические интересы Монголии, вызванные острой потребностью страны во внешних финансовых дотациях, кредитах и инвестициях.

Социально-экономический кризис мировой социалистической системы рубежа 1980-1990-х гг. автоматически распространился и на МНР, чья экономика была практически полностью включена в хозяйственный механизм СССР. По оценкам западных специалистов, объем внешнего финансирования страны за период 1989-1991 гг. сократился с 53% (от размера ВВП Монголии) до 7%²⁰. В свою очередь резкое сокращение поставок товаров первой необходимости из Советского Союза и стран СЭВ вызвало падение уровня жизни значительной части населения Монголии и стремительный спад производства.

В этой ситуации провозглашенный в начале 1990-х гг. курс на демократическое развитие стал важным источником для привлечения внешней финансово-экономической помощи. США, Япония, страны Западной Европы, желая поддержать «зарождающуюся демократию в центре Азии», начали оказывать Монголии материально-техническую помощь. США и их союзники поддержали Монголию при ее вступлении в торговые и финансовые организации - ВТО, МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития. Япония выступила инициатором движения стран-доноров в поддержку демократических преобразований в Монголии и ее перехода к рыночной экономике. Только в период с 1993 по 1997 гг. японская помощь составила в сумме \$ 507 млн.²¹ Начиная с 1991 года и по настоящее время, Япония является крупнейшим международным донором Монголии, а японское международное агентство по сотрудничеству управляет большинством программ японской помощи Монголии.

На экономическое развитие Монголии опосредованное влияние оказывают ее оценки в различных рейтингах демократий. Главными экспертами в оценке монгольской демократии являются западные НПО. Положительные оценки монгольской демократии этими НПО дают возможность Монголии улучшить свой имидж как демократической страны, что, в свою очередь, способно повлечь за собой экономические выгоды – новые льготные кредиты и финансовую помощь западных стран, улучшение инвестиционного климата.

Тема «общности политических ценностей» неизменно подается «в одном пакете» с вопросами торгово-экономического и

инвестиционного сотрудничества между Монголией и западными странами. Так, в ходе беседы Ц. Элбэгдоржа и Б. Обамы (в рамках официального визита монгольского президента в США в июне 2011 года) сторонами были отмечены «значимость защиты и развития демократии, прав и свободы человека, являющиеся общими интересами двух стран... а также важность интенсификации торгово-экономического сотрудничества»²².

Таким образом, приверженность демократическим принципам для Монголии во многом является средством обеспечения национальной безопасности, суверенитета, экономического развития и международного престижа. В этом контексте можно рассматривать процесс демократических преобразований на рубеже XX-XXI столетий в таких странах как Монголия в качестве тенденции политического развития мира, в реализации которой не менее важными в сравнении с эндогенными факторами оказываются факторы экзогенного характера, представленные международной средой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Монцамэ. 28.06.2013.

² Официальный сайт неправительственной организации Freedom House – (www.freedomhouse.org).

³ Mongolia ranks 65th in Democracy Index 2012. 21.03.2013 (<http://english.news.mn/content/137799.shtml>).

⁴ Fish S. "The Inner Asian Anomaly: Mongolia's Democratization in Comparative Perspective." *Communist and Post-Communist Studies* 34, №3 (September 2001). P.323-338; Miliate B. Democratization and Foreign Policy (<https://circle.ubc.ca/handle/2429/43714>); Sabloff P. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // *Central Asian Survey*. – 2002. № 21. P. 19–36.

⁵ Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной самостоятельности // *Полис*, 2012, № 2, С.10.

⁶ Балхаажав Ц. Перестройка и наш ориентир // *Азия и Африка сегодня*, 1989, № 8, С.24-26.

⁷ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия / *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. – М.: МОНФ, 2000, С.340.

⁸ Даль Р. *Демократия и ее критики*. Пер. с англ. – М., 2003,

С.8.

⁹ См., например: Возможно через 20 лет Китай захватит Монголию // Ардчилал, 1993, № 17.

¹⁰ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии). Официальный сайт правительства Монголии (<http://www.pmis.gov.mn>)

¹¹ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии) – Официальный сайт министерства иностранных отношений Монголии (<http://www.mfat.gov.mn>).

¹² США и Монголия будут сотрудничать в сфере экономики и развития демократии. 17 июня 2011 г. (http://www.inright.ru/news/economy/20110617/id_7598/).

¹³ Secretary of State congratulates Mongolians on National Day. 13.07.2012 (<http://english.news.mn/content/114120.shtml>).

¹⁴ Biden praises Mongolia's democratic development. August 22, 2011 (<http://www.business-mongolia.com/mongolia/2011/08/22/biden-praises-mongolias-democratic-development/>).

¹⁵ Монгол улсын УИХ-д БНСУ-ын Ерөнхийлөгч Ким Дэ Жуний хэлсэн үг (Выступление президента Корейской Республики Ким Дэ Чжуна в Великом государственном хуралд Монголии) // Гадаад харилцаа, 1999, № 13 (63), С.8.

¹⁶ Риккардо Мильори: Монголия – стратегический важный регион // Монголия сегодня, № 12, 24.03.2013, С.1.

¹⁷ См., например: А.Коэн: В Монголии нарастает экономический национализм, способный негативно сказаться на западных инвесторах. 27.03.2008 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1206608460>); Auslin M. Genghis Putin // The Wall Street Journal Asia, June 24, 2008; Fish S. The Inner Asian Anomaly: Mongolia's Democratization in Comparative Perspective." Communist and Post-Communist Studies 34, № 3 (September 2001). P.323-338; Miliate B. Democratization and Foreign Policy (<https://circle.ubc.ca/handle/2429/43714>).

¹⁸ Монцамэ. 26.05.2011.

¹⁹ "Ambassador Addelton's Remarks at the Asia Society Breakfast: Warm Relations in a Cold Place: The United States and Mongolia," Embassy of the United States in Ulaanbaatar, Mongolia, June 14, 2011. (http://mongolia.usembassy.gov/speeches_061411.html).

²⁰ Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // Journal of Comparative Economics, 1994, № 18, P.41.

²¹ Batbayar Ts. Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges // RSIM. 2002. №17. P.203.

²² США и Монголия будут сотрудничать в сфере экономики и развития демократии. 17 июня 2011 г. (http://www.inright.ru/news/economy/20110617/id_7598/).

Abstracts:

The article discusses the foreign policy aspects of the democratization of the post-socialist Mongolia. In fact Mongolia is only post-socialist state in the Central Asia region that has achieved success in the democracy transition process. Unique geopolitical position, the strategy of the “third neighbor”, national security and economic interests have largely determined the nature and direction of democracy transition in Mongolia.

Keywords: foreign policy, democracy, the «third neighbor», national security